

Орава – родной край - неисчерпаемый источник в творческом наследии словацкого писателя Павла Орсага Гвездослава

Anton Repoň, FHV UMB, Banská Bystrica, repon.anton@umb.sk

Kľúčové slová: Pavol Országh Hviezdoslav, Orava – rodný kraj spisovateľ'a, bratstvo, ľudskosť, sloboda, rovnosť, bieda, vymieranie slovenského národa, poézia – spisovateľ'ova zbraň

Keywords: Paul Orszagh Hviezdoslav, Orava - homeland of the writer, fraternity, humanity, freedom, equality, poverty, extinction of the Slovak nation, poetry - author 'weapon

«В 1928 году, когда я впервые увидел Словакию, это была страна без городов. Конечно, в Братиславе жили словацкие писатели, там выходили газеты, журналы, но среди жителей города немцев и венгров было больше, чем словаков. В Кошицах только на базаре, куда приезжали крестьяне, я слышал словацкую речь. Маленькие немецкие города Левоча или Кежмарок с ратушами и готическими церквами, с аккуратными абонентами журнала «Ди вохе» казались перенесенными из другого мира. А городки, где жили словаки,— Брезно, Зволен, Ружомберок, Мартин,— походили на большие села: несколько городских домов — и здесь же хаты, огороды, гуси. Вся словацкая интеллигенция была связана с деревней. В Ясеновой меня повели в избу, где родился один из зачинателей словацкой литературы Кукучин. В такой же избе я увидел Илемницкого — он сидел и писал роман».

Эренбург И. „Люди, годы, жизнь“. Кн. VI, подглавка 17

Недалеко от деревни Ясеново в области Орава¹, с которой во время своего путешествия по Словакии познакомился Илья Эренбург, и в которой родился словацкий реалистический писатель 19 века Мартин Кукучин, расположена деревня Вишни Кубин - родной край - неисчерпаемый источник в творческом наследии одного из самых выдающихся словацких писателей - поэта, публициста, переводчика - Павла Орсага Гвездослава.

Гвездослав любил природу, как никто другой, потому что он знал ее как никто другой ... очень интересные вещи прошептали ему горы, цветы, буши... и облака, которые прокатились по области, и Ораве, которая ему так много пела в душу ... Мы удивлены нашей слепотой и глухотой.

Штефан Крчмеры

(словацкий поэт, публицист, литературный критик, историк)

Гвездослав - псевдоним; настоящее имя – Павол Орсаг (2.2.1849, м. Вишни-Кубин, — 8.11.1921, Дольни-Кубин), словацкий поэт. Родился в мелкопоместной семье. Начал печататься в 60-е гг. В поэмах «Жена лесника» (1884—86), «Ежо Влколинский» (1890), «Габор Влколинский» (1897—1899) изображены взаимоотношения дворянства и крестьян. В стихотворных рассказах «Бутора и Чутора» (1888) и др. показана жизнь деревни. В трагедии «Ирод и Иродиада» (1909), используя библейский сюжет, поэт осуждает аморальность господствующих классов. В патриотической гражданской лирике (циклы «Летние побеги», 1885—95, и др.) Гвездослав выступал в защиту народа, осуждал национальный гнёт, развенчивал лицемерие привилегированного общества. Сборник «Кровавые сонеты» (1914) направлен против империалистической

войны. В ряде стихов Гвездослав призывал чешский и словацкий народы к сотрудничеству. Гвездослав обогатил словацкую поэзию в области поэтических жанров и стихотворных форм. Переводил на словацкий язык Ш. Петёфи, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Мицкевича, У. Шекспира и др.

«Мне песня с самого рожденья утехой была», - пишет шестидесятилетний поэт в цикле «Отзвуки» (1909), и в этих стихах звучит грусть, что он теряет свою последнюю радость – песни, которые были всегда чистыми помыслами, идущими из глубины его любящего сердца.

Песня доставляла радость автору, но этот его единственный дар не всегда доходил до народа или доходил в малой мере. Причиной трагичности судьбы поэта и человека было бесправное положение Словакии в пору его юности, когда он складывался как поэт, писатель, осуждающий подчиненное положение словаков в Австро-Венгрии. И хотя поэт дождался освобождения страны от ярма австро-венгерской монархии, видел вокруг себя лишь нищету и вымирание своего народа.

Печально сложилась и жизнь его семьи, родных. У поэта были брат и сестра Мария, которая умерла молодой. Поэт изобразил Марию в поэме «Габор Влколинский» (1899) – эпосе о взаимоотношениях дворянства и крестьян – в образе Марки Томашовье. Поэт пережил и старшего своего брата Микулаша, похоронил и его детей, которых воспитывали они с женой, Илоной Новаковой, не имея своих собственных. Он тревожится, как бы печальная судьба его семьи, его рода не стала прообразом судьбы словаков. Но он не переставал писать. Гвездослав стремился создавать произведения о моральной чистоте, красоте и величии маленького словацкого народа, живущего у подножия Татр и Оравской области.

В стихотворении «К Татрам» (1890) не случайно говорится о звездах – от слова «звезда»-«гвезда» обоснован и псевдоним поэта. Здесь выступает и против иноземных угнетателей и не теряет веры, что эти угнетатели не сведут в мохилу его народ.

«К Татрам»

Татры, славные вы горы,
сколько раз я к вам зывал:
наша вераня опора,
крепче вы всех гор и скал!
Вы стоите величаво,
в землю врытые глубоко,
и невесте небосвод
на своих плечах высоко.
Почему ж средь этой славы
сын ваш в бедности живет?

Татры наши золотые,
утром и ночной порой,
точно алтари святые,
вы стоите передо мной.
Как на алтаре в сиянье
жертва к небесам восходит-
благодатная любовь.
Но измена вдруг приходит.
Что я слышу? Вновь стенанья?
Авеля пролили кровь?

K Tatrám

Tatry naše, Tatry slávne,
neraz tak sa domýšľam:
stĺpy ste, hej, neúnavné,
zasadené k hlbínám,
postavené do výšavy,
na nichž klenba odpočíva,
jasný nebies baldachýn -
Jak však? otázka to clivá -
v tom že raji, v sieni slávy
tak nešťastný je váš syn?

Tatry naše, Tatry zlaté,
z rána abo pod večer
zasa tak mi predchádzate:
oltáre ste, ony ver,
krby, stoly – túžob sklady;
na nich zhára obeť práve
bohumilá, veselá -
Vtom skvílenie preboľavé -
Čo to? – Zasa výčin zrady,
prekliata krv Ábela...?

Наши Татры, вы печальны,
звезды украшают вас,
шлет улыбки месяц дальний...
Так и кажется подчас,
вы надгробье со словами:
«Здесь такой-то недостойный
спит народ несчастный...» Боже!
Так ли? Нет! Минуют бойни!
И пока заря над нами,
вы не тьмы, а солнца ложе!
(Перевод А. Ладинского)

Tatry naše, Tatry dumné,
keď hviezd na nás okrasa,
mesiačik vám dvorí šumne,
duši mojej pozdá sa:
pomníky ste vari – Bože! -
Na nich hviezdny nápis krátky:
Tu spočíva národ ten...
Tak? – Nie, márne Betlém-jatky -
nie, hľa, slnka zôrne lože -
nikdy, pokiaľ svitá deň!

Но Гвездослав – «Звездослав», «славящий звезды», воспевал и братство, человечность, свободу, равенство и миролюбие и не поддавался надолго настроению безнадёжности. Он обращается к картинам жизни словацкого народа, чтобы пробудить самосознание народа, вызвать в нем желание трудиться ради улучшения своего положения.

В лирике Гвездослава немало поэтических строк посвящено людям его родной Оравы – прекрасного, хотя и нищего в ту пору края на севере Словакии, и все его творения пронизывают эпитеты и сравнения, связанные с трудом земледельца.

«Вышний Кубин»

В яркой долине деревня моя
синих утесов короной объята.
Чудится – будто халупы из золота,
будто на крышах алмазы горят...

Край золотой мой, деревня моя!
Радует сердце твоя красота.
Сын твой, любуясь тобою опять,
слез благодарных не мог удержать.

Юная поросль, дай же мне руку,
пусть она руку мою отогреет,-
снова сердца отдадим мы друг другу
и воедино сплетем их, как прежде.

Край мой дорогой, деревня моя!
Рад, что моею тебя я зову.
Я бы не звал, но... тебя не забыл я
в том хороводе, в котором кружил я.

Поговорите же, братья, со мною,
вашего слова не слышал давно я.
Радость моя так громадна сейчас,-
грудь разорвется, мне будет не жаль!
.....

Vyšný Kubín

V doline jarej moja dedina,
vencami modrých vrchov objatá.
Jako by bola celá zo zlata,
chalupy nízke kryté diamantmi...

Zlatá dedinka, rodisko moje!
Slzou mi prejdú po krásach tvojich,
vrchoch, lúčinách koliače oči...
Nad tebou plače syn tvoj – od radosti.

Kdes', vrstva mladá?... Podaj mi ruky,
čo ochladené zohrejú moje.
Podajme srdcia! zviažme ich spolu,
jak na úslní niekedy veselom sme...

Krásna dedinka, rodisko moje!
Milo, že mojou môžem ťa volať;
nevolal bych ťa... ales' neskryla:
v kole, do ktorého vchodím, vidím
všetkých.

Rozprávajte mi, vy moji drahí,
tak dávno nečul som vaše hlasy;
nech je veľiká, ach! radosť moja,
čo od nej sa mi srdce pukne – nebdám!
...

Край мой прекрасный, деревня моя!
Хоч величавый глядит на тебя
и, осененный восточной зарею,
стан одевает роскошной парчою.

....

Как мероплаватель, с палубы глядя,
вздрагнет, увидев свой берег подимый,
так я сою, замирая...Лишь губы
шепчут: «Родная земля, Вышний Кубин!»
(Перевод П. Железнова)

Slávna dedina, rodisko moje!
Do nej Choč driečny milo pozerá,
keď ho osvieti zora východa,
na ňu zahodí kment, veniec najkrajší.

...

Jak na hajove stojaci človek
skríkne, vidiac si rodiska brehy:
zastanem i ja, jak stĺp kamenný,
ústa šuchocú: svet tvoj – Vyšný Kubín!...

Поетическое творчество Гвездослава действительно неоднородно – и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания – и включают, в частности, философские сочинения, которые простой деревенский житель не понимал. Но большую часть лирики Гвездослав слагал в форме песен. Песня – для поэта – „наша радость, светлое волнение“, подобно ручейкам, потокам, рекам, питала весь словацкий край. Во своих песнях Гвездослав выступает и против тех, кто лишает народ его единственных радостей, критикует народ за то, что он ищет утешения в алкоголе, которому бедный народ предавался все больше.

Вот хотя бы стихотворение:

„О, где ты, моего народа воля ...“

О, где ты, моего народа воля,
что наполняла буйством добрых чувств
уступы гор, простор зеленый поля,
стекла с молодых поющих уст?

С утра и до темна она звучала
то бронзою, то звоном серебра,
надеждой чистой радости сияла,
тоской любви, желанием добра...

Она кипела, полная свободы
(как те ручьи, то с Татры держат путь,
чьи никогда не иссякают воды,
ведь их источник вечный – Татры грудь),

текла, словацкий край наш омывая
(как Ваг и Грон, чей сладкозвучный плеск

вливается в могучий гул Дуная):
в ней черпал силу Коллар-Геркулес,¹

к ней приникали наши и чужие,
хо никогда поток не иссякал...
А где ж сегодня реки те живые?
Где родники, текущие из скал?

...

Kam podela sa ľudu môjho vôľa,
tá dobrá, zlatá, jará po rôzpust,
čo zapľňala kedys´ stráne, polia,
plynúca z dievčích rozspievaných úst?

Veď prebytkom jej bolo: od zôr rána
až po hviezdy vše znela večera,
jak spieže, striebra sladkozvuká hrana:
jas, lásky žiaľ, smiech, nádej, dôvera...

Veď zdala sa vriet' z neprebranej studne,
jak naše riavy Tatrou dojčené,
imž vody bystrej nikdy neubudne,
bo prsník Tatry večný prameň je;

a tečúc, Slovenska diel tiež tak skrája,
sťa Váh, Hron a ich družky, stočiac
v ples,

až vliala sa tiež jak by do Dunaja:-
veň bol raz začrel Kollár-Herkules,

a načierali naši, cudzí – veky!
preds´ zdroj, prúd dolel valne, dostačil...
Dnes – kdeže sú tie hukotavé rieky?
ba potôčky kde, jarky, tepny žíl?

...

О, горе тем, что братьям ткнут печали!
Они себе сплетут тоски недуг:
те, что веселье у другух украли,-
убили в человеке вольный дух!

Так что ж развеселит харод мой, боже?!
На битву с гидрой черною поднять
удастся ли мне силу молодежи?

Иль без ответа буду я взывать?
(Перевод П. Железнова)

Тема возрождающей силы песни присутствует и в элегии Гвездослава „Приди, весна, приди!...“, в которой связывается с веснянкой другого великого современника Коллара², Яна Голлого³ „Призыв весны“ с рефреном „Приди, весна, приди и радость милой пожелай“. Хотя весна уже Гвездославу не приносит прежней радости, песни утешают его боль.

Приди, весна, приди! Нахлынь волною,
от гнета склоны гор освободи!
Окутан мир тяжелой зимней мглою,
оковы ледяные на груди.
Но потекут потоками сугробы,
былой оплот могильной немоты,

и, вырвавшись из ледяного гроба,
вновь обретет душа свои мечты.

...

Приди весна! Верни нам песни птичьи,
исполненные радости земной.
Боскреснет мир во всем своем величье-
по песням стосковался он зимой;
стрелюю полетит над миром слава,
мелодии нестройны – ну и пусть!
Души моей угрюмая дубрава,
в мелодиях излей тоску и грусть.

...

Приди, весна, приди!.. Глубоки раны...
Ничто теперь не исцелит меня!
Но боль мою заговорит нежданно
болтун ручей, играя и звеня.
Цветок и луч... От них светлеют думы.
Пусть горько мне, пусть боль моя остра,-

но побеждает песня мрак угрюмый,
души моей крылатая сестра.

(Перевод В. Микушевина)

Och, beda tomu, kto tká druhým smútok!
on káru spleteá sebe odvekú:
bo veselosti zbaviť brata - skutok
to, ako zabiť ducha v človeku!-

I kto už, Bože, ľud môj rozveselí!?
kto poteší ho? – Nože, vzchop sa, mlad',
v boj s hydrou-chmurou tou!...ved',
hromy-strely!
či ja mám, starý, večne vyhúdat'?

Príd', jaro, príd' a rozpust' rezké vlny:
nech vyslobodia stráne z drsných pút.
Ten biely luh je pre mňa mračien plný,
mráz dušu väzí a ľad sviera hrud'.
Až v prúdy živé splynú záveje,
tie desné hroby, v nichž smrť svoj šíp
chová,
tá myseľ snád' tiež kryhy sodeje
a počne túžiť, dúfať počne znova.

...

Príd', jaro, príd' a rozviaž vtači kriela
i hrdielka: nech, jak sa zrodil svet,
svet nový z rumov zimy, slávy strela
ho obletuje, spevom kŕmi hned'.
Keď vzduchom zvíaria zvuky tekavé
a srovnajú sa v melódiu novú:
i v mojej duše pustej dúbrave
hoc smútok, azda aspoň príde k slovu.

...

Príd', jaro, príd'. Viem, hlbší omnoho je
môj úraz, než by pozaliat' sa dal;
lež ženie-li ním jarček vlnky svoje:
i krvácania zlahodneje pal.
A lúč a kvet – ni tými nezbelie,
však aspoň v súmrak zbronie čierna
duma;
a pieseň je vždy isté veselie
tej duši, ktorá pieseň za sestru má...

Поэта волнует не столько собственная судьба, сколько судьба народна. И он слагает песни, своей простотой и выразительностью близкие и понятные каждому. Песни „Как

зовут тебя...“, „Ветерок, где был...“ или „Травушка-муравушка...“, где милый сравнивается с ясным солнышком, принадлежат к числу драгоценных даров в сокровищнице словацкой национальной песни.

Травушка-муравушка растет на берегу,
а мое сердечко все еще в снегу.

Эх, в снегу, в снегу, который шел в ту пору,

как я с миленьким ждала разлуки скорой.

Но он тает, и не знаю почему.

Может, солнышко причиною тому,
может, сердце мое жаркое в придачу -
почему-то я теперь все чаще плачу...

(Перевод Ю. Вронского)

Trávička zelená už porástla briežkom:

a to moje srdce ešte vždy pod sniežkom,

pod sniežkom, ej, sniežkom, ktorý padol
vtedy,

keď si bol, šuhajko, u nás naposledy.

Ale cítim, cítim, že pomaly hynie -

Len čo za slniečko tomu na príčine?

či to nebom, či to neďaleko v okne?

lebo cítim, jak mi neraz líčko zmokne...

Поэзия была оружием поэта. Цикл „Кровавые сонеты“ (1914) – не только документ перой мировой войны; эти сонеты навсегда останутся важным протестом против угрозы войны, обвинением всех, кто хотел бы сохранить эту угрозу. Мечта поэта – прочный мир, который как его песня, она источник истинного счастья, радости, здоровья и радости человечества.

Приди, приди на землю, мир желанный,
оливковой веткою своей
красное безумье развей,
стань силой нашей, разумом, охраной.

- Ó, vráť sa skoro, mieru milený!

zavítaj s ratolesťou olivovou

a buď nám zdravím, veselím i chôvou,

v snažení ostňom, kovom v rameni!

Довольно крои, ужаса, смертей,
пусть наконец земля залечит раны,
vdovou,

пусть женщины не плачут неустанно
над трупами мужей и сыновей!

Zášť – fakľu sváru – medzi plemeny

zduš! Nedaj stretať sa viac s mladou

sirôtky, s rodičmi, čo nad synovou
oporou v hrobe kvília zlomení.

О мир! К заветной цели нас веди,
нас счастье ожидает впереди.
К свершеньям человечество готово.

Scel' jazvy; úštrby, zhlad' zisk tvoj zlatý...

Pod svoje nás zajm', húfy vodcovstvo,

veď k cieľom, plným dobrých
predsavzatí:

to bude triumf! zo zdôb radosť, ó!

za zdatnosť v borbe – práce na postati...

Ó, príď, ty bratstva, lásky kráľovstvo!

О светлый мир! Людей благослови!
Приди, о царство братства и любви,
триумф свободы и добра святого.

(Перевод В. Микушевича)

Поэт дождался ... В 1918 году распалась австро-венгерская „тюрьма народов“ и возникает Чехословакия, где признались национальные права и словаков. Если поэзия Гвездослава была надеждой на хмуром небосклоне родины, то песня его, любовь к родному краю, родной усадьбе с ее жителями и окружающими горами, лесами, зурчающимися речками и потоками наполняла его силой в борьбе против бесчеловечности в любом ее проявлении, призывала к труду ради жизни и борьбе за нее.

Примечания

¹ Образ песни встречается у всех больших словацких поэтов национального возрождения. Ян Коллара (1793-1852) Гвездослав по праву приравнивает к Геркулесу в связи с его титанической работой по собору и записи народных песен.

² Коллар (Kollar) Ян (29.7.1793, село Мошовце, Словакия, – 24.1.1852, Вена), чешский и словацкий поэт, деятель культуры. Из крестьянской семьи. Окончил Йенский университет (1819), был священником. С 1849 преподавал славянскую археологию в Венском университете. В деятельности К., принадлежащей как чешской, так и словацкой культуре, отразились идеи национального Возрождения. Первый сборник «Стихотворения» вышел в 1821. Главное произведение К. – поэма «Дочь Славы» (1824, дополнительное издание 1832), в которой прославляется многовековая борьба славян против иноземных угнетателей. Идеи патриотизма, просветительства, гуманизма и дружбы славянских народов, содержащиеся в поэме, оказали большое влияние на развитие общественной мысли чехов и словаков. Взаимоотношениям и сотрудничеству славянских народов посвящен трактат К. «О литературной взаимности славян» (1836). К. занимался также изучением фольклора, собиранием словацких народных песен (совместно с П. И. Шафариком); выпустил 2-томное издание «Национальные песни или светские песни словаков в Венгрии...» (1834–35).

Соч.: Vybrané spisy, sv. 1–2, Praha, 1952–56; Narodnie spievanky, dl 1–2, Bratislava, 1953; в рус. пер., в кн.: Антология чешской поэзии, т. 1, М., 1959; Словацкая поэзия XIX–XX вв., М., 1964. Лит.: Богданова И. А., Ян Коллар, в кн.: Очерки истории чешской литературы XIX–XX вв., М., 1963; Зайцева А. К., Ян Коллар, в кн.: История словацкой литературы, М., 1970; Nejedlý Z., J. Kollár, Praha, 1945; Rosenbaum K., J. Kollár pevec lásky k národu, Martin, 1956.

³ Ян Голлы (также *Ян Гольий*, словацк. *Ján Hollý*; 24 марта 1785, Борски-Микулаш — 14 апреля 1849, Добра-Вода) — словацкий поэт. Ян Голлы родился в крестьянской семье. Был сельским священником. Переводил на словацкий язык поэтов античности. Среди важнейших переводов — «Энеида» Вергилия. Его собственная поэзия связана с традициями классицизма, в частности, в вопросе отношения к наследию античности. Автор эпических произведений на сюжеты из древнеславянской истории — «Святоплек» (1833), «Кирилло-Мефодиада» (1835), «Слав» (1839). Среди лирических произведений выделяются цикл идиллических стихов «Селанки» (1835—1836), в котором он прославляет словацкую природу и сельскую жизнь, ода «Словакам», проникнутая идеей содружества славянских народов. Памятник Яну Голлы установлен в Братиславе возле алтарной апсиды Собора святого Мартина.

Соч.: Dielo, sv. 1—10, Trnava, 1950; в рус. пер. — в кн.: Поэзия славян. под ред. Н. В. Гербея, СПб, 1871; Словацкая поэзия XIX–XX вв., М., 1964.

Лит.: Опферман А., Ян Гольий и его литературная деятельность, К., 1886.

Литература:

BAKOŠ, Ján: Vývin slovenského verša od školy Štúrovej. Martin : Matica slovenská, 1939.

GBÚR, Ján: Hviezdoslav a česká poézia. Prešov : Náuka, 1995.

GBÚR, Ján: Hviezdoslav: Kultová osobnosť slovenskej literatúry. In: HVIEZDOSLAV, P. O.: Básnické dielo. Bratislava : Ústav slovenskej literatúry SAV — Kalligram, 2006, s. 626 — 638.

Hviezdoslav v kritike a spomienkach. Bratislava : SVKL, 1954.

MAŤOVČÍK, Augustín: Herold svitajúcich časov — Hviezdoslav. Život a dielo v dokumentoch. Martin : Osveta, 1988.

MIKULA, Valér: Hviezdoslav ako automýtus. In: Od baroka k postmoderne. Levice : L. C. A., 1997.

PRAŽÁK, Albert: S Hviezdoslavom. Bratislava : SVKL, 1955.

ŠMATLÁK Stanislav: Hviezdoslav. Zrod a vývin jeho lyriky. Bratislava : SVKL, 1961.

ŠMATLÁK, Stanislav. Hviezdoslav. Bratislava : Obzor, 1969.

ŠMATLÁK, Stanislav: Hviezdoslav zblízka. Bratislava : Tatran, 1985.

TOMČÍK, Miloš: Literárne dvojobrazy. Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1976, s. 86 — 127.

P. O. Hviezdoslav. Text a kontext. Dolný Kubín — Nitra : Literárne múzeum, 1975.

Abstract

The present work is focused on the greatest poet of Slovak literature spirit P. O. Hviezdoslav. Hviezdoslavov's formation directly reflects the socio-cultural, social and political conditions that exist in Slovakia at the time life of a writer.

We want to draw your attention to the fact that even today we remember what makes a great Hviezdoslav between large that "it is this poet is extended beyond our limits to the most beautiful language, so that it was able to name and embrace all things and all the positions of human spirit: from the smallest space galaxies plant on earth." (Šmatlák, S.: Personality Hviezdoslav or the size of poetic terms. In: Hviezdoslav I, Bratislava, Tatran 1973, p. 29). Depicted on the poetry of the poet point out, how managed P. O. Hviezdoslav understand and express the tragic idyll of life, to express humility and revolt, feel the love for native land, the peasants' work, and people with it survive despair and hope for a new, better tomorrow.